

Глобальная экономическая динамика и ее политическое требование к России

© Хазин М. Л.

© Khazin M.

Глобальная экономическая динамика и ее политическое требование к России

Global economic dynamics and its political requirement to Russia

Аннотация. Проанализированы экономический и идеологический аспекты современного кризиса глобального западного проекта. Показаны основные группы влияния, противостоящие друг другу в мировой политике, их экономический фундамент и сравнительная перспективность. Сделан вывод о вероятности отката от глобализации в пользу регионализации и прихода к власти в США «новых изоляционистов». Сформулированы объективные требования к изменению российской политики.

Annotation. Economic and ideological aspects of modern crisis of the global western project are analysed. The main groups of influence resisting each other in world policy, their economic base and comparative prospects are shown. The conclusion is drawn on probability of kickback from globalization in favor of regionalization and coming to power in the USA of “new isolationists”. Objective requirements to change of the Russian policy are formulated.

Ключевые слова. Бреттон-Вудское соглашение, изоляционизм, эмиссия, доллар, глобальный проект, технологическая зона, элита.

Key words. Bretton Woods agreement, isolationism, issue, dollar, global project, technological zone, elite.

1

Мы настолько привыкли к выражениям типа «сверхдержава», «региональный лидер», «мировой лидер», что часто не думаем о том, какой смысл в них вкладывается. Мы помним, что СССР был лидером трети мира; мы читаем, что американские политики все время твердят: «США должны оставаться мировым лидером». Но что для этого нужно делать? Исторический опыт показывает, что военной силы для лидерства недостаточно.

Прежде всего, для любого доминирования нужна идея. Для мирового доминирования — глобальная идея, в идеале — глобальный проект [1]. На сегодня в мире имеют место несколько «спящих» глобальных проектов (пара христианских — Католический и Православный, а также «Красный» проект) и всего два действующих: Исламский и «Западный». Исламский находится (после реинкарнации в конце XX в.)

в начальной, сетевой стадии; претендует же на гегемонию только один проект — «Западный», который все еще ощущает себя победителем по итогам глобальной схватки во второй половине XX в. с «Красным» проектом.

Его проблема заключается в том, что у него нарастают именно идеологические проблемы. Хотя идеи «свободы» и «демократии» пока публично поддерживаются элитами почти всех более или менее значимых стран мира, в реальной жизни — так сказать, за кулисами — ситуация начинает стремительно и необратимо меняться. Кстати, кавычки в предыдущем предложении поставлены не случайно, поскольку понимание соответствующих терминов в рамках проектной терминологии для различных глобальных проектов различается принципиально. Например, слово «свобода» в интерпретации адептов «Западного» проекта означает, что любой человек может самостоятельно выбирать себе ценностную модель, если она не противоречит закону. А в глазах представителя «Красного» проекта она означает свободу от эксплуатации человека человеком. У христиан, мусульман и иудеев также есть свои понимания, которые куда ближе к пониманию «Красного» проекта, чем «Западного», — но все равно отличающиеся друг от друга.

Люди, в том числе и в базовых странах «Западного» проекта (США, Западная Европа), во все большей степени начинают возвращаться к идеям традиционных, консервативных ценностей, в первую очередь от примата закона (который, как известно, в рамках «Западного» проекта пишут богатые) к примату «справедливости». Причем традиционной, поскольку этот термин также имеет различный смысл в разных проектах.

Именно отсюда в мировоззренческом плане возник парадокс все более частой поддержки вполне вроде бы благополучными обывателями Запада запрещенного в России «Исламского государства»: они ощущают, что привычный мир, в котором для них было место, разрушается, а никакой определенной альтернативы им никто иной не в состоянии предложить даже теоретически. Конечно, его перспектива ужасна; но лучше ужасная определенность, чем ужас неопределенности без конца. Кстати, этим же, насколько можно судить, объясняется и рост популярности в мире России (что весьма убедительно показало голосование зрителей на последнем конкурсе Евровидения): это работает фантомный образ Советского Союза, который вплоть до 1988 г. предлагал всему миру серьезную альтернативу «Западному» проекту именно в части обеспечения справедливости. Сегодня весь мир эту альтернативу ищет — и не может найти.

2

Откуда же взялись проблемы «Западного» проекта, которые сегодня поставили его на грань разрушения?

Их источник в том, что модель капиталистического экономического развития построена на постоянном углублении разделения труда. А как выяснил еще Адам Смит, в замкнутой системе углубление разделения труда рано или поздно останавливается (как мы сегодня понимаем, в том числе в результате роста рисков отдельно взятого производителя), и тогда модель неизбежно начинает стагнировать.

Мировая экономика с XVI в. представляла собой постоянно растущие (на первом этапе — в феодальной среде) капиталистические кластеры, которые жестко конкурировали друг с другом. К концу XVIII в. они уже стали политико-экономическими, т. е. стали формироваться на базе крупных государств, которые начали защищать экономические интересы своих экономических структур соответствующими методами (именно из-за этого появился феномен национальных государств — нужно было четко и понятно определять, кто является своим, а кто — чужим). А к началу XX в. таких крупных кластеров («технологических зон») осталось всего четыре: Британская, Германская, Американская (на базе США) и Японская. После Первой мировой войны Германская «технологическая зона» распалась на две, и из ее обломков образовалась пятая и последняя зона — Советская.

После Второй мировой войны Германская и Японская зоны рухнули и были разделены победителями, а Британская потеряла периферию, которая также была разделена победителями, но основной своей частью вошла в Американскую «технологическую зону». Советская и Американская зоны начали жесточайшую экономическую войну (получившую название «противостояние двух систем»), которая завершилась в конце 1980-х гг. поражением СССР. Отметим, что поражение это отнюдь не было предопределено. В 1970-е гг., во времена жесткого кризиса «Западной» экономики, было широко распространено мнение, что выиграл, напротив, Советский Союз. Но элитный кризис в нашей стране (смена поколений руководителей «через одно») привел к тому, что старшее поколение, которое уже уверовало в свою неизбежную победу, не приложило необходимых сил, а молодое уже в эту самую победу не верило.

Впрочем, для дальнейшего это не так важно; важно, что, в соответствии с логикой Адама Смита, когда крупный капиталистический кластер («технологическая зона» на позднем этапе) перестает расширяться, он входит в состояние кризиса своего развития. Таким кризисом был кризис конца XIX — начала XX в. во всем мире (в США он наиболее известен как кризис 1907—1908 гг., по итогам которого в 1913 г. была создана Федеральная резервная система), который завершился Первой мировой войной. Второй такой кризис (1930-х гг., известный как Великая депрессия) завершился Второй мировой войной (отметим, что для США это была уже вторая «великая» депрессия, потому что впервые так называли депрессию 1908—1914 гг.). Третий кризис разразился в 1970-е (и продолжался почти столько же, сколько Великая депрессия, около десяти лет); выход из него был осуществлен за счет политики «рейганомии», главный механизм которой состоял в кредитном стимулировании частного спроса.

Характерной особенностью модели «рейганомики», — практически не замеченной как советскими, так и зарубежными исследователями, — стало изменение схемы кредитования частных лиц, в результате которого концепция необходимости возврата долга сменилась на концепцию необходимости его обслуживания при постоянном рефинансировании. В результате средний долг одного домохозяйства в США с 1981-го по 2008 г. вырос в два раза (с 60—65% от годового дохода до более чем 130%), а средняя зарплата осталась (по покупательной способности) на уровне 1958 г. (после кризиса 1970-х она упала с максимума в 1972 году). Учетная же ставка ФРС (которая стимулировала всю эту долговую вакханалию) была снижена с 19% до практически нуля. И поднимать ее с этого уровня при существующем уровне заведомо безвозвратных, непосильных для экономики долгов — значит организовать катастрофу раза в полтора более сильную, чем в начале 1930-х гг.

3

Однако у описываемой модели есть еще одна крайне важная особенность. В 1944 г. на Бреттон-Вудской конференции [4], которая приняла базовые постулаты финансовой модели вначале Западного, а потом (с 1988 г.) и всего мира, была принята модель расширения сферы оборота доллара. Под нее была создана институциональная система, ряд международных (МВФ, Мировой банк, Международная финансовая корпорация, а затем ГАТТ/ВТО) и частных (транснациональные банки, рейтинговые агентства, консалтинговые и аудиторские компании и т. д.) организаций, главной задачей которых было регулировать этот процесс. До начала 1970-х гг. система функционировала успешно, однако затем столкнулась с невозможностью расширения, поскольку ту часть мировой экономики, до которой она могла теоретически «дотянуться», она к тому времени уже полностью освоила. А жить без эмиссии эта система не могла, поскольку все упомянутые институты с точки зрения «нормальной» экономики являются принципиально убыточными: они создавались под утилизацию и легализацию эмиссионного дохода (т. е. фактически в рамках Бреттон-Вудской системы государство щедро поделилось своим правом на доход от сеньоража с частными структурами, обслуживающими за это его глобальные стратегические интересы).

И здесь нужно сделать небольшое отступление. Дело в том, что эмиссия, как нас учит политэкономия, не создает новые реальные активы для конечного спроса — она только перераспределяет уже существующие активы и прибыль от них. Бреттон-Вудская система создала принципиально новый механизм такого перераспределения, благодаря которому доля финансового сектора в совокупной прибыли экономики, которая перед Второй мировой войной не превышала 5% от ее общего объема, к середине 1940-х достигла 10, а к началу 1970-х гг. — уже 20%. И, как понятно, останавливаться финансисты не собирались.

В результате кризиса в 1970-е гг. в США резко ускорилась инфляция при стагнации производства (что выразил изобретенный тогда термин «стагфляция»). Однако к 1981 г. финансисты придумали новый способ продлить существование зашедшей в кризис экономической системы: как отмечалось выше, он состоял в качественно новом механизме эмиссионного стимулирования частного спроса. В результате доля финансового сектора в совокупной прибыли экономики к 2007 г. выросла до 70%. А затем грянул кризис, по своей экономической механике полностью совпадающий с кризисами 1930-х и 1970-х гг. и вызванный невозможностью дальнейшего расширения рынка. Только на нынешнем этапе он отягощен колоссальным объемом долгов, накопленных с 1981 г.

Отметим, что с момента начала кризиса, в 2008 г., эмиссию как таковую не отменили: изменили лишь ее механизм. Вместо кредитной (т. е. осуществляемой за счет увеличения кредитного мультипликатора через смягчение денежной политики) она стала денежной (т. е. осуществляемой через работу печатного станка). А вот ускорения инфляции при этом вплоть до 2014 г. практически не было, поскольку колоссальный объем кредитования в предыдущие годы привел к завышенному кредитному мультипликатору, который в США в 2008 г. был равен 17 разам (при норме 4–6). В результате в 2008–2014 гг. расширенная денежная масса в США почти не изменилась, а вот наличная денежная масса выросла примерно в 4 раза (с 0,8 трлн долларов до 3,3 трлн долларов) при падении кредитного мультипликатора (с 17 до чуть больше 4 раз).

Дальнейшее сокращение кредитного мультипликатора неприемлемо опасно: если он падает ниже 4, то начинаются эффекты, которые в России 1990-х получили название «кризис неплатежей» (т. к. предприятия лишаются возможности нормально обслуживать свои денежные потоки).

Дальнейшее сокращение кредитного мультипликатора неприемлемо опасно: если он падает ниже 4, то начинаются эффекты, которые в России 1990-х получили название «кризис неплатежей» (т. к. предприятия лишаются возможности нормально обслуживать свои денежные потоки). А это значит, что период безинфляционной эмиссии закончился, и денежные власти США оказались вынуждены существенно ограничить ее масштаб, доведя ее до минимального объема, позволяющего нормально существовать транснациональным финансовым институтам.

Отметим, что проблемы у последних возникли практически сразу после сокращения эмиссии — это убедительно показывает официальная банковская отчетность по итогам 2015 г. Однако не следует думать,

что мировая финансовая элита (которая, с учетом масштабов перераспределения прибыли мировой экономики в свою пользу, доминировала на мировой арене последние десятилетия) не понимает, что происходит, и не пытается принять соответствующих мер.

4

Первой из этих мер стала попытка довести до логического завершения Бреттон-Вудскую реформу мировой финансовой системы.

Дело в том, что, создав ряд международных институтов, обеспечивающих расширение сферы обращения новой мировой валюты и контролирующих эту сферу, Бреттон-Вудская конференция не создала новой международной валюты: мировая валюта оставалась (вместе со своим регулятором, Федеральной резервной системой) в национальной юрисдикции США. Именно это и позволило американским властям остановить эмиссию вопреки интересам мировой финансовой элиты. Но это было позже; а после обострения кризиса в 2008 г., в связи с обострением противоречий между международным характером долларовой финансовой системы и национальным характером самого доллара, эта мировая элита решила создать новую мировую валюту и новый международный институт для регулирования ее обращения.

Соответствующий проект получил название «центробанка центробанков» и активно развивался в 2011 г., в том числе на уровне G8 и G20. Было выработано и принято решение, что валютой станет некое новое образование на базе «специальных прав заимствований» МВФ, а регулятором этой валюты — преобразованный МВФ. В частности, шли острые споры о перераспределении долей участия различных стран в уставном капитале МВФ (тут особую активность проявлял Китай). И в этот момент грянуло так называемое «дело Стросс-Кана», после которого тема «центробанка центробанков» исчезла из всех официальных документов практически в один миг [5]: американская бюрократия в предельно ясной форме показала, что не допустит ликвидации своего контроля над эмиссией мировой валюты. В результате роль и влияние мировой финансовой элиты, продемонстрировавшей неспособность защитить свои интересы от американской бюрократии, сильно пошатнулись.

Второй удар по этой элите был нанесен после второй инаугурации Б. Обамы в январе 2013 г., когда он удалил из нового состава своей администрации практически всех представителей мировой финансовой элиты, в частности представителей банков Goldman Sachs и J. P. Morgan Chase (впервые за много десятилетий). Именно это позволило через два года, в 2014 г., когда кредитный мультипликатор денежной системы США опустился почти до 4, остановить эмиссию вопреки интересам мировой финансовой элиты. Более того, это решение поставило последнюю (привыкшую за много десятилетий получать основную часть прибыли, образующейся в мировой экономике) в катастрофическую, без всякого преувеличения, ситуацию.

Если рассматривать существующее положение с точки зрения кредитно-денежной политики (которая в рамках либерального «мейнстрима» является главной составляющей экономической политики государства), то выглядит оно примерно так: для мировой финансовой элиты категорически необходимо дальнейшее смягчение этой политики, а именно — продолжение целевой эмиссии, направленной на поддержку транснациональной финансовой системы. Поскольку дальнейшее снижение кредитного мультипликатора невозможно, такое продолжение эмиссии неминуемо приведет к долларовой инфляции в США, что в условиях высокого уровня разделения труда вызовет серьезный спад, по масштабам сопоставимый с произошедшим в России в 1990-е гг.

Задача же американских промышленников, бюрократов и прочих, которых можно объединить под условным названием «патриотов США», объективно является прямо противоположной. Наиболее ярко ее формулирует бывший конгрессмен Рон Пол, принципиальный противник ФРС: «Необходимо поднять ставку, обанкротить финансовых паразитов, жирующих на эмиссии, оттолкнуться от твердого дна и начать здоровый рост». Можно ли реализовать такую программу с учетом масштабов неизбежного при ее реализации спада — вопрос. Но в альтернативном финансовом сценарии никаких шансов для экономики США нет — это совершенно точно. И соответственно в рамках «патриотического» сценария необходимо кредитно-денежную политику ужесточать, т. е. поднимать процентную ставку.

5

С учетом накопленных долгов, обслуживать которые при высокой ставке невозможно, такая политика неминуемо приведет к массовым банкротствам корпораций и домохозяйств. Но американское законодательство о банкротстве поддерживает хозяйствующих субъектов, а не кредиторов (в отличие от, например, России); так что с точки зрения государства ничего страшного не произойдет, за исключением массовой гибели финансовых институтов. С точки зрения американских патриотов, это не только не опасно, но и скорее позитивно для экономического развития страны.

Отметим, что, поскольку два этих сценария экономически противоположны (можно либо так, либо иначе; но топтание на месте не дает позитивного эффекта ни одной стороне), рассчитывать на договоренности не приходится. Хотя окончательный разрыв между двумя группами произошел не так давно (в середине 2011 г., по итогам «дела Стросс-Кана»), общая напряженность настолько велика, что противоречие между ними перешло в политическую сферу. Причем в ней к этому, сугубо экономическому по своей основе, противостоянию добавились принципиально новые аспекты.

Дело в том, что реализация сценария ужесточения американской кредитно-денежной политики приведет к массовым банкротствам не только в США, но и во всем мире. При этом контроль над этим миром (так

называемое доминирование) США осуществляет как раз через транснациональные финансовые институты, т. е. через мировую финансовую элиту. Таким образом, реализация этого сценария приведет к тому, что проамериканские элиты во всем мире не просто попадут в кризис (как и все элиты в целом), но еще и лишатся главного инструмента своего регионального и местного доминирования (привлечение на контролируемые ими территории долларовых инвестиций иностранными инвесторами). Соответственно, сами США во многом потеряют возможности по контролю за ситуацией в регионах мира.

При этом «патриотическая» часть национальной элиты США, которая будет реализовывать этот сценарий, сконцентрируется в первую очередь на очень серьезных внутренних проблемах (т. к. ожидаемый масштаб кризиса — следует подчеркнуть это еще раз — существенно превысит масштаб Великой депрессии 1930-х гг.). У них не будет ни ресурсов, ни институтов для решения региональных проблем. И не только потому, что указанные институты (транснациональные финансовые структуры) будут в процессе кризиса разрушаться, но потому, что они контролируются их непримиримыми политическими противниками.

Иными словами, описанная сугубо экономическая (даже более узко, кредитно-денежная) политика неминуемо влечет за собой необходимость изменения всей внешней политики США. Именно по этой причине адептов соответствующей политики имеет смысл называть «новыми изоляционистами» или, когда нет опасности перепутать их со «старыми» изоляционистами, последователями «доктрины Монро» XIX — начала XX в., просто «изоляционистами». А альтернативную группировку естественно называть «финансистами». Вся сегодняшняя политическая жизнь США всецело определяется конфликтом этих группировок.

Представляется принципиально важным, что, поскольку они возникли достаточно спонтанно (ну точнее, противоречия нарастали слишком быстро, чтобы можно было «развести» эти формирующиеся группы между существующими партиями), то раскол между «финансистами» и «изоляционистами» прошел не между партиями, а внутри них. Яркими представителями финансистов являются Хилари Клинтон (Демократическая партия) и Джеб Буш (Республиканская), а Д. Трамп (Республиканская) и Сандерс (Демократическая) — изоляционисты. При этом до самого низа этот раскол не дошел, поскольку преобладающая часть электората просто не понимает экономической сути противоречий между Трампом и Клинтон, их разногласия для них сводятся к более узким и конкретным проблемам.

6

Насколько можно понять, современная социально-экономическая политика России всецело определяется группой лиц, пришедших к власти в 1990-е гг. за счет поддержки тогдашней администрации пре-

зидента США (которым был Б. Клинтон) и, в рамках описанной выше классификации, принадлежащих к группе финансистов. Причем статус их в этой группе крайне низкий: влиять на принятие решений они не могут в принципе и обязаны четко выполнять поставленные задачи.

В частности, скорее всего девальвация декабря 2014 г. и последующие проблемы российской экономики связаны с тем, что после прекращения масштабной эмиссии в США финансистам остро понадобилась долларовая ликвидность. Отметим, что, если рассматривать абсолютные суммы, не сопоставляя их с масштабами экономик, мы еще легко отделились: Китай вынужден был отдать (по состоянию на сегодня) около 1 трлн долларов, а Великобритания в рамках скандала с оффшорами отдаст, по всей вероятности, еще больше.

Не вызывает никаких сомнений, что представители изоляционистов, если они придут к власти в США, ни в коем случае не согласятся с тем, чтобы в России — ключевой с региональной точки зрения стране — экономическую политику определяли их принципиальные противники. Это для них в принципе невозможно: суть политики изоляционизма состоит как раз в том, чтобы найти региональных лидеров и с ними договориться о некоторых единых подходах, а в идеале — о единой политике, предоставив этим лидерам prerogatives реализовывать эти подходы и эту политику в своей зоне ответственности. Причем, поскольку даже приход к власти в США изоляционистов и разрушение мировой финансовой системы не приведут к тотальному исчезновению финансистов (у них, в частности, останутся значимые «агенты влияния» во многих регионах мира), непримиримые противоречия между ними и изоляционистами останутся, и последние просто не смогут себе позволить, чтобы их противники контролировали такую важную страну, как Россия.

Вывод из этого прост: в нашей стране должны появиться собственные изоляционисты [2], которые, во-первых, предъявят некоторый вариант политики регионального лидерства России, во-вторых, покажут, какой должна быть ее региональная зона, и в-третьих, в рамках взаимодействия с американскими изоляционистами (против финансистов!) реализуют этот проект на практике. Отметим, что Евразийский союз, который можно рассматривать как прообраз такой региональной зоны, тем не менее, требует очень серьезной «доработки», поскольку его концепция в ее нынешнем виде предполагает существование объемлющей его долларовой зоны.

По всей вероятности, в рамках нынешнего экономического (и неизбежно за ним последующего политического) кризиса по мере решения описанных выше и неумолимо встающих перед нашей страной задач как раз и возникнет новая политическая элита России. Частично она может совпадать со старой, но основой ее экономической политики должен быть категорический отказ от либерализма [3] и взаимодействия с МВФ. В противном случае будущее нашей страны печально.

Литература

1. **Ачлей А. Г.** Битва глобальных проектов. М. : Волант, 2011.
2. **Делягин М. Г.** Мировой кризис. Общая теория глобализации. М., 2003
3. **Делягин М. Г.** Светочи тьмы. Физиология либерального клана. М., 2016.
4. **Катасонов В. Ю.** Бреттон-Вудс. Ключевое событие мировой финансовой истории. М. : Кослород, 2014.
5. **Хазин М. Л., Щеглов С. И.** Лестница в небо. М. : РИПОЛ классик, 2016. ◆